

ИГОРЬ ИЗБОРЦЕВ

ТАМ, ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ МИРЫ

Вот и минуло двадцатилетие со дня блаженной кончины моего духовного наставника, старца протоиерея Валентина Мордасова. Вспоминаю минувшее, вглядываюсь в него сквозь призму времён года, вижу лица людей, небо, церковные купола...

ТАМ, ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ МИРЫ

Невыносимо болела нога. Люба в нерешительности застыла у кладбищенских врат, расписанных изображениями святых и какими-то поучениями.

— А ты читай, читай, — сказала ей её спутница Акулина, с которой более часа брели они через бесконечное поле сюда, на погост Камно, к могиле старца Валентина. — Порадуй своё сердце, это из батюшкиных наставлений.

— Душевный покой приходит от откровения священнику грехов, — полушёпотом прочитала Люба.

— Вот-вот, так всё и есть, — согласно закивала головой Акулина, — но пойдём к батюшке, благословение возьмём искупаться в источнике.

Акулина проскользнула через арку ворот и заспешила к Георгиевскому храму, остановилась у церковных дверей, перекрестилась и тут же двинулась дальше, огибая храм с левой стороны. Люба поспеть за ней не могла, несгибающаяся правая нога сковывала движение и наполняла каждый шаг болью. Когда она подошла к могилке старца, Акулина уже успела прочитать молитву о упокоении и теперь стояла у креста, склонив к нему голову.

Люба видела, как у её спутницы двигаются губы, она словно беззвучно с кем-то разговаривала.

— Батюшка, — сказала вдруг женщина вслух, — вот привела к тебе страданицу Любовь, она у тебя в первый раз, надо бы ей помочь. Она, бедняжка, уж сколько операций после аварии перенесла, нога у неё не сгибается. И как же девице с этим жить? Кто её замуж-то возьмёт? Помолись, батюшка, ко Господу, пусть пошлёт рабе Божией Любове облегчение в страданиях или же полное исцеление дарует. И благослови нас искупаться в святом источнике для вящей духовной и телесной пользы.

Люба впала в оторопь, ей казалось, что говорят не о ней, а ком-то другом. Поэтому, когда Акулина призвала её подойти и поцеловать крест, не отреагировала.

— Да подойди же, — прикрикнула женщина, — возьми у старца благословения и попроси мысленно, чего тебе надобно. А чего тебе надобно?

— Мне бы исцелиться, — тихо произнесла Люба

— Вот-вот, — закивала головой Акулина, — проси батюшку об этом, целуй крест и пойдём на источник.

Люба плотно прижалась лбом к могильному кресту, мысли неслись хоромом: “Батюшка, помоги! Батюшка, помоги! Батюшка, помоги...” Она чувствовала, как набухают влагой глаза, как скользят по щекам слезинки, осоливают губы... Тело её вдруг наполнилось лёгкостью, ей показалось, что она летит, летит сквозь облака... Но нет, это Акулина вела её через кладбище, через поляну к крутому спуску к спрятавшейся в камышах речке Каменке. И далее – по деревянному мостку к ладно срубленной из янтарных брёвнышек купальне. Происходящее казалось Любе сном. Позже она едва сможет вспомнить, как окуналась в ледяную воду, как по крутой лестнице поднималась вверх, отсчитывая искалеченной ногой бесконечные ступени, как вновь оказалась на могиле старца...

Тяжело дышащая после подъёма Акулина бухнулась на колени и утопила лицо в густой траве, покрывавшей могильный холм. Люба повторила её движение и тоже опустила на колени. Она не сразу поняла суть произошедшего, и лишь увидев ошарашенный взгляд Акулины, вскрикнула:

– Что с моей ногой?

А с ногой её как раз было всё в порядке, она ожила, она вернула себе способность сгибаться и разгибаться, как это свойственно всякой здоровой ноге.

– Батюшка, это он... – хрипло выдохнула Акулина, – услышал наше прошение, помог.

– Батюшка! – Люба плакала и улыбалась, улыбалась и плакала, всё время повторяя: – Батюшка! Батюшка!

* * *

Погост Камно. Поздняя осень. Ноябрь. Низкие свинцовые облака замостили небо до горизонта. Они давят своей тяжестью, едва не касаются макушек деревьев. Но тех едва ли это беспокоит. Деревья льнут к каменным стенам Свято-Георгиевского храма, склоняя к куполам свои вершины. Они как вечные богомольцы, верные и преданные. Жёлтые листья на их ветках, словно зажатые в руках свечи, покачиваются и мерцают в неверном полувечернем свете.

Погост Камно чудесен в это время года, красив последней осенней красотой, не растерянной, не раздёрганной суетой мира, вечно сверкающего мишурой и гремящего во все свои колотушки. Он целомудренно сдержан, он исполнен отдохновения и свободы, он светел даже под этим ноябрьским свинцовым небом, он – средоточие жизни окрестного пространства, он – указующий перст в грядущую вечность. Не случайно и камыш под горой, скрывающий от глаз водную гладь реки Каменки, совсем не шумлив, как в русской песне, но молчаливо-сосредоточен. Здесь так тихо, что, прислушавшись, можно различить журчание святых ключей. Они наполняют живительной влагой источник святого великомученика Георгия, таящий в себе кладёзь благодатной, целительной силы.

Мы подходим к купальне, дверь её призывно полуоткрыта. Вхожу и завороженно любуюсь на бегущую по воде лёгкую рябь. Представляю, как через минуту погружусь в эту холодную водную стихию... и исчезну, растворюсь, превращусь в частичку застывшей здесь вечности... Раздеваюсь и с шумом трижды окунаюсь с головой... Переполняет радость, энергия, желание жить! Стрелой взлетаю по крутой лестнице вверх и поджидаю там остальных...

Минует кладбищенские аллеи и оказываемся на могилке протоиерея Валентина Мордасова, нашего дорогого батюшки. Это он вдохновитель и создатель всей этой красоты; им – его духовным словом, наставлением, памятью о нём – пронизано здесь всё...

Могила по-монашески аскетична, тут нет мрамора и гранита, чугуна и стали, но лишь деревянный крест и земляной могильный холмик. И эта простота – тоже своеобразная проповедь. Ведь отец Валентин часто повторял, что священник, чтобы действительно научить паству добродетелям, должен сам преуспеть во всем, то есть стать образцом воздержания, нестяжания, терпения, смирения... Таковых духовных вершин и достиг батюшка, он был словно один от древних... Вот и могилка его напоминает о скромности и простоте; учит не превозноситься над другими, но со смирением склонять голову.

Батюшка, как же тебя не хватает! Время отделило твоё живое лицо от нас толстой стеной. Двадцать лет минуло с того июльского, 1998 года, “последнего целования”. Но “вечная память” звучала и будет звучать у места твоего последнего упокоения. А нашу временную память год от года продолжают будить слова твоих проповедей и наставлений, сохранённые на страницах душе-спасительных книг. Твои же молитвы будут вести нас по земной юдоли к будущей благой вечной жизни. Но сколько же надо для этого потрудиться?

“Здесь, на земле, — напоминал ты, — человек способен только предвкушать Царствие Небесное, и лишь потом, после смерти, после Страшного суда, человек, если выйдет оправданным, получит блаженство вечное. И с ним войдёт в будущую жизнь.

Но вечное блаженство даром не даётся, для этого надо человеку подъять великие труды. Даже на земле мы видим, что люди получают награды за какие-то заслуги. А за награды небесные, вечные много следует потрудиться, поститься, каяться, творить дела милосердия, подвизаться в выполнении заповедей Божиих. . . ”

Испроси же нам сил для этой Божией работы! Не оставляй нас своим небесным попечением, дорогой батюшка! Моли Бога о нас!

Батюшку Валентина спрашивали:

— Как относиться к ближнему?

— Искренне уважай и люби всякого, — говорил он, — сочувствуй и доброжелательствуй всякому, жалея о согрешающем. Пользуйся любым случаем, чтобы сделать добро. Радуйся с радующимися, плачь с плачущими. Не думай ни о ком худо без достаточной на то причины. Не имей ни с кем вражды. Покрывай всех любовью и снисхождением. Смотри на согрешающих, как на немощных, как на больных душевно. Не плати злом за зло. Не давай в своей душе места никакому злу ни на одну минуту. . .

* * *

Вот уж и февраль. . . Зимнее поле, через которое тянется дорога к погосту Камно, едва прикрыто снегом, повсюду проталины, как тёмные неряшливые заплатки. Воистину, что-то не так и с нами, и с природой. Дорога повесенному заплывает грязью, затягивается лужами. Она, эта раскисающая дорога, наверное, недоумевает: где долгожданный мороз, где спасительное ледяное отдохновение? Но нет мороза. Еду и слышу, как колёса машины черпают дорожный кисель. Вспоминаю, как ехал таким же февральским днём по тому же полю. . . без малого двадцать пять лет назад. . .

Февраль 1994 года. Стелется вдаль заснеженное поле — гладкое, чистое, красивое, — словно Ангел накрыл его своим белоснежным крылом. Ночью шёл снег, и дорогу основательно занесло, так что моя “копейка” (так в народе называли “Жигули” первой модели) ползёт вперёд с большим трудом, тем более что салон и багажник под завязку загружены пачками книг: с утренним поездом прибыла из Москвы “посылочка” для батюшки Валентина от православного издательства “Благовест”. Для меня это большая радость — поучаствовать в Божьем деле, впрочем, как и для каждого батюшкиного духовного чада.

Благодаря батюшкиной работе с православными издательствами* в камновском Георгиевском храме едва ли не самый большой выбор книг. Чего тут только нет! И святые отцы, и старцы, и жития святых, акафистники, молитвословы, в общем, на всякую духовную потребу. В Камно за духовной пищей приезжает множество людей, и не только миряне, но и духовенство — настоятели храмов, насельники монастырей. Что там говорить, наши домашние книжные полки прогибаются от множества приобретённых здесь или подаренных батюшкой книг. Читаем всей семьёй!

Что же касается посылок от издательств, то возил я их и прежде, но вот по такому снегу ехать ещё не доводилось. . . Мотор натужно хрипит, кажется, что вот-вот что-то в нём оборвётся и. . . Нет, о том, что тогда может случиться,

* Батюшка духовно окормлял несколько крупных московских православных издательств. Он был и цензором, и духовным отцом, и автором. В 1993 году под его духовным патронажем вышло 5 книг, в 1994-м — 13 книг, в 1995-м — 22, в 1996-м — 31, в 1997-м — 20.

думать совсем не хочется. Молюсь Богу, призываю всех святых, вспоминаю батюшку. Знаю, что он ждёт и наверняка там, в недалёком уж от меня храме, тоже молится. Сила Божия пока ведёт меня, кажется, вопреки законам природы...

Ну вот, подумал об этом и тут же увяз в снегу. Вот оно, тщеславие: только дал слабинку — и тут же в эту открывшуюся прореху ныряет враг. А где враг — там и овраг... Через пять минут тщетных усилий, рёва мотора и визга колес убеждаюсь, что окончательно и безнадежно застрял. Размышляю, что делать: бросить машину и бежать к батюшке? Или искать трактор? Только где его найдёшь? А тут ещё и снег повалил. В растерянности переминаюсь с ноги на ногу, стряхиваю с плеч снежный пух и уже не про себя, а в голос кричу батюшке: "Помоги!"

А дальше всё происходило, словно в сказке: снежная занавесь со стороны храма разверзлась и явила на свет огромный чёрный внедорожник, он двигался легко и свободно, снежный сугроб для него был, как для великана ручей. Я сразу обратил внимание на питерские номера. Поравнявшись со мной, машина остановилась. Открылись передние двери и наружу вышли два крепких, коротко стриженных молодых человека в одинаковых кожаных куртках. Про таких говорят: характерной наружности. Они стояли, молча разглядывая меня и мою доходягу-«копейку». Я же тем временем быстро прокручивал в уме все возможные варианты дальнейшего развития событий: "Я их прошу помочь найти трактор, они соглашаются, уезжают, находят, и я спасён... Я прошу их помочь перегрузить книги и довести их до храма, а сами жеinesi судьбами освобождаюсь из снежного плена... Я на их машине вместе с книгами еду к батюшке, а моя машина пусть спасает себя сама..."

— Что, застрял, браток? — спрашивает вдруг один из молодых людей. — К батюшке ехал?

— К нему, — киваю я головой и начинаю объяснять про книги, про поезд из Москвы, про батюшку, который ждёт посылочку.

— Трос есть? — прерывает меня другой парень.

— Да, — говорю я, не веря ещё в то, что сейчас может произойти. А оно происходит...

Парень, увидев моё удивленное лицо, даже не предлагает, а командует:

— Цепляйся к нам, поедем к батюшке...

И вот мы едем по белой бескрайней целине, без колеи, без ориентиров — дорогу полностью завалило-занесло. Моя машина зарывается в снег, её кидает из стороны в сторону, да и великану-внедорожнику, чувствуется, теперь не так уж и легко — кое-где и он пробуксовывает, ревёт мотором. Но вскоре все испытания остаются позади. Мы останавливаемся у Святых врат в церковную ограду. В храме святого великомученика Георгия Победоносца встречает нас отец Валентин. Он улыбается и смотрит такими глазами, словно всё уже знает о случившемся. Быть может, так и есть? Но я всё равно рассказываю, благодарю парней, а батюшка разговаривает с ними, как с добрыми знакомыми...

Как я узнал позже, они действительно приехали к отцу Валентину за каким-то важным советом. Я видел, с каким уважением относились они к батюшке — ведь и машины ради него не пожалели. Слышал, как один негромко посетовал другому, что сцепление во время буксировки подпалилось, однако вслух об этом ничего сказано не было. Парни спешили, и мне пришлось, почти не поговорив с батюшкой, двинуться в обратный путь — опять на буксире. Иначе пришлось бы невесту сколько ждать, пока какой-нибудь грейдер расчистит дорогу. Не поговорив... Теперь я с болью вспоминаю о каждой утраченной в те годы возможности побыть рядом с батюшкой, утешиться духовной с ним беседой... Увы, прошедшего не вернёшь. Ну, а тогда я мерил время другой мерой, впереди, как думалось, едва ли не вечность.

А на дворе стоял 1994 год, и до батюшкиной блаженной кончины оставалось чуть более четырёх лет...

Не знаю, как сложилась жизнь тех парней, что произошло с ними за минувшие годы. Надеюсь, что живы-здоровы, и думаю, что для них та встреча с батюшкой не прошла бесследно, как и для всех тех, кто приезжал к нему хотя бы однажды, бывал на службе, брал у него благословение, слушал его духовное слово, укреплял веру...

Быть может, таким же метельным февралем 1986 года протоиерей Валентин Мордасов через такие же снежные вихри и замети ехал к месту своего

последнего земного пристанища — храму святого великомученика Георгия Победоносца на погосте Камно. Здесь когда-то батюшка был венчан и вскоре рукоположён в священный сан. Можно сказать, что отсюда и началось его пастырское служение; здесь же ему предстояло и завершиться. . .

Батюшку можно было застать или в храме, или рядом, на крылечке его маленького ветхого домика, где он любил сидеть вечерами. Тут же или в церковном доме напротив батюшка беседовал с духовными чадами и прихожанами. Последние четыре года к о. Валентину стало приезжать особенно много людей. Ехали автобусы с паломниками из Белоруссии и Молдавии, из Питера и Москвы, из многих городов и весей России. . . За духовным словом, советом, за святыней. . . И всех добрый пастырь принимал с искренней отеческой добротой и простотой, открывал им великие, спасительные тайны учения Христова.

Однажды батюшку спросили, как он пришёл к вере?

— Через действие веры, — ответил он, — когда я ощутил в храме благодать Духа Святого. Когда вся церковь пела: “Верую во единого Бога. . .” — я почувствовал сердцем то, что до этого никогда не ощущал: внутреннюю радость, внутреннюю благодать. Потом уж я прочитал в одной духовной книге, что эта благодать дана верующему крещёному человеку ради заслуг Иисуса Христа.

Вот бы нам всем через действие веры укрепиться духовно, очиститься от наваждений и иллюзий мира, взглянуть друг на друга другими глазами, протянуть навстречу друг другу руки и, если будет необходимо, помочь пройти сквозь снег и буран, сквозь все метельные февраль жизни, не жалея при этом ни себя, ни своей машины, ни своего кошелька. . .

Отец Валентин, невзирая на то, что был достаточно начитан, образован и отлично знал труды многих святых отцов, всегда говорил очень просто, стараясь приблизить свою речь к пониманию рядового мирянина, не обученного, что называется, премудростям наук. Великое искусство — сделать сложное простым, не утратив при этом глубины содержания. Немногим это удаётся. Именно так преподавали народу учение о спасении православные старцы — Оптинские, Глинские, Псково-Печерские — десятки, сотни тысяч людей спаслись под этим мудрым духовным руководством. И протоиерей Валентин Мордасов был из ряда таких духовных руководителей, поэтому его проповеди и наставления спустя многие годы не утратят своей ценности, но всегда будут востребованы, актуальны, поскольку они есть плоть от плоти святоотеческого учения, от слова Христова, а *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

* * *

Весна. 6 мая. День великомученика Георгия Победоносца. Престольный праздник. “Подвигом добрым подвизался еси, страстотерпче Христов Георгие, — звучит под сводами храма, — и веры ради обличил еси мучителей нечестие: жертва же благоприятна Богу принеслся еси. Темже и венец приял еси победы, и молитвами, святе, твоими, всем подаеши прегрешений прощение”.

В этот майский день небо над погостом Камно, как окно в вечность, прозрачно и бездонно. Заглядывают в это окно плывущие над землёю купола Георгиевского храма, благословляют окрестные поля и дороги, по которым, призываемые колокольным звоном, спешит в церковную ограду на молитву православный люд.

Здесь, в этом удивительном уголке земли Псковской, во всякое время года тихо и благодатно; когда бы ты ни приехал сюда, ничто не возмутит твоего духа. Но этот день особенный, единственный в году, и душа от того переполняется радостью. . .

А как, должно быть, радовался, как ликовал сердцем батюшка протоиерей Валентин Мордасов, когда совершал такие торжественные праздничные богослужения, когда возглашал во время молебствия: “О всехвальный, святыи великомучениче и чудотворче Георгие! Призри на ны скорою твоею помощию и умоли Человеколюбца Бога, да не осудит нас, грешных, по беззакониям нашим, но да сотворит с нами по велицей Своей милости. . .”

И с каким умилением, с каким упоением духовным подхватывали верующие слова запева: “Святой великомучениче и победоносче Георгие, моли Бога о нас!”

Да, воистину велика радость веры! Чувство братского, христианского единства, пастырского тепла, заботы, отеческой молитвы! О, как всё это знакомо духовным чадам протоиерея Валентина Мордасова! Уж двадцать лет, как ушел он под вечные небесные кровы, в селения праведников. Но всё так же живо ощущение его присутствия рядом с нами: нет-нет, и почувствуешь вдруг благодатное тепло его пастырского благословения, услышишь его голос, призывающий жить по вере, покрывать всех любовью и снисхождением, побеждать зло добром...

Иду мимо батюшкиного домика, приостанавливаюсь, смотрю на знакомые до боли стены... И вдруг понимаю, почему замедлил шаг, остановился: причина – в странной надежде увидеть батюшку, увидеть его присевшим, как бывало это в прежние годы, для краткого отдохновения на скамеечку, поймать его внимательный и такой добрый взгляд, подбежать к нему, поклониться, обнять...

Двигаюсь через погост по каменным дорожкам, повсюду кресты, надгробные памятники. Вспоминаю батюшкины слова: “У Бога нет мёртвых, но все живы” (Лк. 20, 38). Трудно вместить эту мысль, трудно представить, что все, кто обрёл место упокоения на этом старом кладбище, все до единого, живы так же, как и мы, и так же, как и мы, чего-то ждут и на что-то надеются. Нет, скорее неопределённость – это для нас, обитателей земной юдоли, а у них всё определено: ждут они милости и молитвы от нас и надеются на милосердие Божие. Все богатства мира и вся его власть для них ничто, пылинка рядом с единственным “Господи, помилуй” на церковной службе...

Здесь, на погосте, где встречаются миры, где завеса над тайным приоткрывается для имеющих глаза, легко думается о вечности. Да, её невозможно объять и вместить, но можно признать её права и взглянуть на мир с её, вечности, точки зрения. Как это сделать? Да очень просто. Вот рядом с тобой честный рабочий страдает, едва влачит свою нищую жизнь, а зарвавшийся хапуга-чиновник живёт в довольстве и богатстве. “Где справедливость?” – спрашиваешь ты. Ты видишь, что умирает невинный ребёнок, а продавшийся ворами страж порядка наслаждается жизнью и здравствует. “Где Ты, Бог?” – уж в полный голос восклицаешь ты. А Бог рядом с тобой, Он поддерживает тебя под руку, чтоб ты не упал, и указывает десницей в вечность: “Там ваша подлинная жизнь, там вознаградится праведник и будет утешен страдалец, там обретёт наказание беззаконник”.

Вот так, с точки зрения вечности ты можешь разглядеть и понять, что любое земное, будь то страдание или наслаждение, коротко, по сравнению с будущим, грядущим, неземным. Что может сравниться с вечностью?

И чтобы понять это, не надо иметь семь пядей во лбу. Достаточно просто верить в Бога и быть православным христианином не на словах, а на деле. Так духовные чада отца Валентина, как правило, люди преклонных лет, из не знающих премудрости наук рабочих и крестьян, легко вмещали в себя представления о самых высоких смыслах христианского учения. Батюшка не требовал многих знаний. “Надо, – говорил он, – с благоговением, радостью и с благодарностью к всеблагому Отцу Небесному принимать к своему назиданию то, что доступно нашему разумению при руководстве Святой Церкви. Жаждущему, когда стоит у реки, не нужно выпивать всю реку, а довольно выпить столько воды, сколько потребно для утоления жажды; так и христианину из мирян нет нужды знать всё или даже очень много, а надо знать то, что необходимо для спасения души”.

Стою у могилы протоиерея Валентина. Служба закончилась, почти все прихожане разошлись, и я здесь сейчас один. Батюшка говорил, что при посещении усопшего хорошо прочитать правило Серафима Саровского. Читаю...

Почему-то всплыла в памяти беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни. “Радость моя! – сказал преподобный Мотовилову. – Молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысяча душ спасётся около тебя!” Нет, не только Мотовилову, всем нам сказал. Но выполняют этот наказ единицы, такие, как отец Валентин. Тысячи спасались рядом с ним при его жизни, и сейчас число это не умалется. А та благодать, которую стяжал он подвигами и трудами, по милости Божией ста-

ла благословением и самих этих мест. Вот почему так радостно здесь находиться и, коль побывал тут раз, хочется непременно вернуться.

Господи, как же легко здесь дышится! Уезжая, люблюсь небом, которое остаётся всё таким же прозрачным и бездонным... Над местом, где встречаются миры!

Батюшку Валентина спрашивали:

— А почему вы верить стали?

— Потому, — отвечал он, — что Бога вижу душой своей, ощущаю Его, поэтому верю.

— А как это?

— А так. Вот ты воздух не видишь?

— Не вижу.

— Ощущаешь?

— Ощущаю.

— Вот так и верующие, православные могут ощущать благодать Духа Божиего. Это ощущение зависит от Бога, а не от каких-то чудес. Это главное.

Отец Валентин, наделённый множеством духовных дарований, прятал эти сокровища от окружающих, и если кто-то вдруг говорил о его необыкновенной духовной силе, батюшка отшучивался или каким-либо другим способом пресекал похвалы.

Однажды мы с батюшкой сидели на крыльце его дома. Отец Валентин показывал новые книги. Вдруг поблизости появились две женщины средних лет. Вели они себя несколько эксцентрично, из чего можно было сделать вывод, что, скорее всего, эти гости прибыли в Камно из мирского любопытства, услышав какие-либо чудесные истории о здешнем священнике. Верующие держали бы себя иначе, по крайней мере, не разговаривали бы столь громко, не озирались бы бесцеремонно по сторонам. Я заметил, что батюшка тоже внимательно рассматривает прибывших. Тем временем, женщины подошли ближе, заметили нас.

— А где тут живёт прозорливый батюшка? — спросила одна из них, сделав ударение в слове “прозорливый” на втором слоге.

Отец Валентин, и до того улыбающийся, улыбнулся ещё шире.

— Это кто-то вам неправильно сказал, — ответил он и вдруг, мгновенно изменив выражение лица на “строгое”, продолжил: — Здесь живёт прозорливый батюшка.

При этом он также акцентировал ударение на том же втором слоге.

Женщины удивлённо застыли, переглянулись и поспешно удалились.

К слову сказать, батюшкин юмор иной раз мог помочь в самой неожиданной ситуации. Однажды в Георгиевский храм зашёл пьяный мужчина и стал требовать чуть ли не матом, чтобы ему спели какую-то песню. Мужчина был высокого роста и плотного телосложения, уговоров никаких не слушал, шумел и даже угрожал. Все растерялись: что делать? Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы из алтаря вдруг не вышел отец Валентин. Он улыбнулся незваному гостю и весело ему сказал: “Ну что ты, наш хороший?” — и вдруг запел какую-то духовную песню. Мужчина удивлённо вытаращил на батюшку глаза, а тот взял его под руку и повёл к выходу из храма. Выглядело это совершенно необыкновенно: только что одержимый буйной злостью, человек вдруг разом успокоился и тихой овечкой пошёл рядом с батюшкой. И куда девалась вся его пьяная удаль?

Да, батюшка скрывал свои дарования, а ведь обладал ими в обилии. Все, кто близко знал отца Валентина, наверняка припомнят немало связанных с ним необыкновенных случаев и событий. Я — не исключение. В середине 1990-х годов мне в качестве редактора вестника Псковской епархии “Благодатные лучи” приходилось частенько приезжать к батюшке за духовным советом, наставлением. Собственно, без отца Валентина я ничего и не делал. Он рекомендовал мне материалы, книги, советовал, на что обратить особенное внимание, какие жизненные явления следует осветить, а о чём лучше умолчать, от каких ошибок и заблуждений предостеречь и т. д. Бывал я в Камно часто, и так как батюшку всегда окружало много духовных чад, прихожан храма, паломников, мне не всегда возможно было к нему приблизиться для разговора. Однажды я приехал по какому-то важному делу, батюшка

находился в храме. Служба завершилась, и он говорил наставительное слово в Никандровском приделе. Помню, людей было очень много и я, едва протиснувшись, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. “Скорей бы закончилось, — мысленно подгонял я батюшку и то и дело смотрел на часы. — Поскорей бы...”

— Вот некоторые всё спешат, — вдруг сказал батюшка, — смотрят на часы, говорят, скорей бы закончилось. Им кажется, что их дела важнее душеспасительного слова. Это ошибка. Надо стараться побеждать своё нетерпение и извлекать духовную пользу из всякого доброго наставления.

Эти батюшкины слова явным образом выпадали из контекста того, что говорил он прежде. Он словно вдруг обратился к кому-то из присутствующих. Впрочем, мне-то, конечно же, сразу стало ясно, к кому. Я едва не присел и, кажется, густо покраснел. А потом, поражённый, застыл... Тут следует пояснить, что с амвона, где стоял батюшка, разглядеть меня было невозможно, поскольку я не отличаюсь высоким ростом. Так что отец Валентин не мог меня увидеть, не мог заметить моё нетерпеливое ожидание. Но увидел — и не только меня, но и мои мысли. Быть может, случившееся имело касание к кому-то иному, теперь это не прояснишь. Как бы там ни было, я отношу это к себе, поскольку вижу здесь не только причинно-следственную цепочку событий, но, что самое главное, — нравственный момент, духовную пользу, то есть как раз то, чем завершалось всякое с батюшкой общение...

Как-то в 1994 году к нам в город для выступления в одном из храмов приехала группа из трёх человек, в которую входили писатель, богослов и преподаватель Духовной академии. После завершения лекции я предложил гостям навестить замечательного батюшку протоиерея Валентина Мордасова. Они согласились. Вскоре на своей удалой “копейке” я доставил всех в Камно. И вот мы уже сидим в домике для гостей. Паломники в этот день не приезжали, так что батюшка был свободен. Он долго разговаривал с нами, отвечал на вопросы, а потом, по своему обыкновению, стал раздавать духовные гостинцы, то есть различные книги душепасительного содержания. Он давал каждому из присутствующих по одной книжке, сопровождая это каким-нибудь пожеланием или наставительным словом. Когда дело коснулось богослова, отец Валентин почему-то сказал: “А это для шофёра”. “Батюшка, это богослов”, — смущаясь, поправил я. Отец Валентин улыбнулся, кивнул головой, но когда наступал черёд богослова получить подарочек, мы опять слышали: “Это для шофёра”. Признаюсь, мне было крайне неудобно, я долго извинялся перед богословом, тот возмущённо пожимал плечами, но, кажется, успокоился и простил, списав всё на чудачество сельского священника. Прошло года два. Что-то в жизни нашего богослова изменилось. Обстоятельства потребовали от него стать водителем в одном из православных издательств. Колесил он на книжном фургоне по матушке-России и не раз бывал в Камно, в храме святого великомученика Георгия, настоятель которого охотно покупал хорошие душепасительные книги. Выгрузив пачки и коробки, богослов подходил к отцу Валентину. Преподав благословение, батюшка просил помощниц: “Налейте-ка шофёру чайку с дальней дороги”. И тот, переводя дух за чашкой ароматного чая, быть может, с лёгкой грустью вспоминал про то, как ещё недавно был богословом...

* * *

Лето. 19 июля 2018 года. Камно. Храм святого великомученика и Победоносца Георгия. Ясный солнечный день. Небо высокое и почти чистое, лёгкие вкрапления облаков лишь подчёркивают его нежно-голубую бездонную глубину. Шуршит в кронах вековых деревьев ветерок и уносит прочь жару, так что здесь, у северной стены святого Георгиевского храма, прохладно и свежо. Множество застывших в молчании людей окружают аккуратно прибранный, украшенный цветами могильный холмик. Тут и белые хризантемы, и жёлтые лилии, и полевые ромашки — все это дань уважения и сыновней преданности, дань любви к духовному отцу и мудрому наставнику, учителю и молитвеннику — протоиерею Валентину Мордасову...

Кажется, что ещё вчера сам батюшка, живой и здоровый, встречал нас под сводами Георгиевского храма или у Святых врат на погост, или же на ска-

меечке у своего домика... Ещё вчера он благословлял нас при встрече и читал молитву в путь-дорогу на прощание... Ещё вчера... Но нет, уж двадцать лет минуло — целых двадцать лет! — как он оставил брэнную землю, ушёл в путь всея земли, в блаженную вечность и теперь у Престола Божия, продолжая своё пастырское попечение, молится о нас ко Господу и ходатайствует за нас пред Всемилостивым Судией...

Быть может, об этом и думают сейчас люди, склонившие в молчании головы пред крестом, укрытым синей парчи покровцом... Вот-вот начнётся панихида. Где-то за спинами теснящихся у батюшкиной могилки людей уже позвякивает кадиллом диакон; появляется священник, за ним ещё один, и ещё... Настоятель храма о. Алексей даёт возглас, и панихида начинается... Всё очень просто, по-домашнему; певчие скрыты в толпе, и поэтому кажется, что поют все присутствующие, а может быть, так и есть... И не “может быть”, а наверняка так: благорастворятся воздухи, наполнивсь всеобщим единым гласом запева канона: “Покой, Господи, душу усопшего раба Твоего...” Пускай нет в этом пении стройности, благозвучности соборного архиерейского хора, но есть душа, есть глубокое чувство, а это иногда важнее, существеннее профессионализма да и знания вообще...

“Сам Един еси безсмертный, сотворивый и создавый человека: земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдём, якоже повелел еси, создавый мя и рекый ми: яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдём, надгробное рыдание творяще песнь: Аллилуиа”. Это звучит икос по 6-й песне канона. И будто бы слышится голос отца Валентина, будто бы он в этом хоре со всеми нами... Увы, не здесь и не сейчас, не в этом мире удастся спеть нам вместе с батюшкой. Да и не всем это будет дано, не все облечётся в “нетления одежду” и узрят “светлость Божественнаго Царствия”, но лишь тот, кого сподобит Господь; сподобит, быть может, по молитвам духовного отца и наставника протоиерея Валентина.

Протоиерей Валентин Мордасов ушёл в путь всея земли двадцать лет назад, но покинул ли он нас? Нет, его молитвенную помощь чувствуют на себе многие: те, кто получают исцеления при молитвенном к нему обращении, облегчения в болезни, избавления от скорбей, бед, напастей. Все они с радостной готовностью подтвердят, что батюшка рядом, что он всегда готов услышать и помочь. Поэтому число его духовных чад, его паства год от года растёт, всех он ведёт за собой, с глубокой отеческой любовью объясняет, где мы можем встретить Господа.

“В молитве, — объясняет он. — Имеется в виду молитва домашняя, внутренняя молитва, где мы прибегаем к Господу и наш дух соединяется с Ним, происходит встреча. Как апостол пишет в своих посланиях, что *соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6:17). Это и есть первая встреча. Мы можем встречать Господа в храме Божием. Тут ощущается Его особое присутствие. Сказано, что Господь везде находится — на всяком месте Его владычества. Мы знаем, что престол Его на небесах и в храмах Божиих. Так же особое присутствие Его бывает там, где совершаются Святые Таинства. Посему там мы встречаем своими душами Господа, там у нас бывает с Ним встреча.

Ещё мы встречаемся с Господом, когда мы берём в руки Божие слово, Новый Завет Господа Иисуса Христа, а из него особенно Святое Евангелие. Здесь мы слово Божие соединяем с Господом, здесь мы слушаем Господа, Который с нами говорит. Зачем Он пришёл в мир? Какая цель нашей жизни, для чего мы все тут живём? Что нас ожидает? Что такое Страшный суд, вечная будущая жизнь?

Мы встречаем Господа при чтении книг святых отцов, написанных Божиим Духом. Встречаем Господа, когда беседуем о нём, ведь Сам Господь говорит в Евангелии: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18:20). То есть, когда мы собираемся на беседы о Господе, беседуем вдвоём, втроём и так далее, то здесь и происходит эта встреча...

Вот так просто, доступно, но мудро и спасительно его слово. Таков батюшка был при жизни, и таким он остаётся сейчас. Его пастырская проповедь звучала и будет звучать для нас. Нам надо лишь проявлять усердие в чтении, в осмыслении и в применении прочитанного в своей жизни...

Господи, молитвами приснопоминаемого отца нашего духовного протоиерея Валентина, помилуй нас грешных!